

Сальвадор
ДАЛИ

Сокрытые
лица

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
Д 15

Salvador Dali
ROSTROS OCULTOS (HIDDEN FACES)
Copyright © 1944, 1973 by Salvador Dali
This edition published by arrangement with Pushkin Press Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Шаши Мартыновой

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации Сальвадора Дали

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-26751-0

© Шаши Мартынова, перевод, 2014, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Larvatus prodeo¹.

Декарт

¹ Выступаю под личиной (лат.). — Здесь и далее примечания переводчика, за исключением отмеченных особо.

Я посвящаю этот роман Гале, постоянно бывшей рядом, покуда я писал его, — доброй фее моего равновесия, отгонявшей саламандр моих сомнений, поощрявшей львов моих убежденностей... Гале, коя в благородстве души вдохновляла меня и служила зеркалом, отражавшим чистейшие геометрии эстетики эмоций, направлявшей мой труд

Предисловие автора

Рано или поздно все неизбежно приходят ко мне! Одни, безразличные к моей живописи, признают, что я рисую, как Леонардо. Другие бранятся меж собою о моей эстетике, но согласны в том, что моя автобиография — один из «человеческих документов» эпохи. Третьи, даже сомневаясь в «подлинности» моей «Тайной жизни», обнаруживают во мне литературные дарования, превосходящие те, что я открываю им в картинах, и те, что они зовут мистификацией исповеди. Но еще в 1922 году великий поэт Гарсиа Лорка предсказал мне писательскую карьеру и предположил, что будущее мое — именно в «чистом романе». Есть и такие, кто не выносит ни моих картин, ни рисунков, ни литературы, ни украшений, ни моих сюрреалистических предметов и т. д. и т. п., но они заявляют, что у меня *есть* непревзойденный театральный дар и мои последние театральные декорации — едва ли не самые чарующие из всего, что видала сцена Метрополитен-оперы... Одним словом, трудно не оказаться в моей власти — так или иначе.

Однако все это заслуживает куда меньшего, чем кажется, поскольку одна из главных причин моего успеха даже проще, нежели источник моего разнообразного чародейства, а именно: я, вероятно, самый трудолюбивый художник нашего времени. Проведя четыре месяца в затворничестве в горах Нью-Хэмпшира близ канадской границы, отдавая писательству по четырнадцать неумолимых часов в день и завершив таким образом «Сокрытые лица» «в полном со-

ответствии с планом» — но без единого отступления! — я вернулся в Нью-Йорк и вновь встретился с друзьями в «Эль Марокко». Их жизни остались в той же самой точке — словно я покинул их лишь накануне. На следующее утро я навестил студии, где художники все эти четыре месяца терпеливо ожидали вдохновения... Новая картина лишь начата. А сколько всего за то же время произошло в мозгу у меня! Сколько героев, образов, архитектурных проектов и осуществленных желаний родилось, прожило, умерло и было воскрешено, архитектонизировано! Страницы романа суть лишь часть моего последнего сновидения. Вдохновением — или мощью — можно овладеть лишь насильственно, а также тяжким, мучительным трудом каждого дня.

Зачем я написал этот роман?

Во-первых, потому, что у меня есть время свершить все, что желаю, а я желал его написать.

Во-вторых, потому, что современная история предлагает уникальную основу для романа, посвященного эволюциям и бореньям великих страстей человеческих, а также оттого, что неизбежно должна быть написана история войны и в особенности — послевоенного пронзительного времени.

В-третьих, если бы его не написал я сам, кто-то другой сделал бы это — и сделал плохо.

В-четвертых, гораздо интереснее не «копировать историю», а предвосхищать ее, и пусть она потом изо всех сил пытается имитировать то, что ты уже изобрел... Потому что я жил в непосредственной близости, изо дня в день, с героями предвоенной драмы в Европе, я последовал за ними в американскую эмиграцию и поэтому легко мог предсказать, каково будет их возвращение... Потому что еще с XVIII века страстная триада, явленная божественным маркизом де Садам — садизм, мазохизм... — оставалась незавершенной. Необходимо было открыть третье неизвестное в этой задаче, синтез и сублимацию — кледализм, по имени героини моего романа, Соланж де Кледа. Садизм

можно определить как наслаждение, переживаемое через боль, причиняемую субъекту; мазохизм — как наслаждение, переживаемое через боль, принимаемую субъектом. Кледализм — наслаждение и боль, сублимированные в выходящую за любые пределы идентификацию с субъектом. Соланж де Кледа заново открывает подлинную естественную страсть, она — нечестивая святая Тереза, она — Эпикур и Платон, сгорающие в едином пламени вечного женского мистицизма.

В наши дни люди заражены безумием скорости, а она — не более чем эфемерный, быстро развеивающийся мираж «потешной перспективы». Я пожелал воспротивиться этому написанием длинного и скучного «истинного романа». Но мне ничто и никогда не наскучивает. Так пусть будет хуже тем, кто отлит из скуки. Я уже рвусь подобраться к новым временам интеллектуальной ответственности, в кои мы вступим сразу по окончании этой войны... Подлинный роман атмосферы, интроспекции, революции и архитектуронизации страстей обязан (и всегда был обязан) быть полной противоположностью пятиминутному фильму о Микки-Маусе или головокружительному переживанию парашютного прыжка. Человек должен, как в неспешной поездке в карете времен Стендаля, уметь постепенно впитывать красоту пейзажей души, в коих он странствует, всякий новый купол страсти должен постепенно открываться взорам, чтобы духу каждого читателя хватило досугов «насладиться» им... Не успел я закончить книгу, как уже начались разговоры, что я пишу роман бальзаковский или гюисмансианский. Напротив, это категорически далианская книга, и те, кто читал мою «Тайную жизнь» внимательно, легко разглядят в структуре романа непрерывное и живое знакомое присутствие ключевых мифов моей жизни и мою мифологию.

В 1927 году, сидя на залитой весенним солнцем террасе мадридского кафе-бара «Регина», мы с бесконечно оплакиваемым поэтом Гарсиа Лоркой планировали необычайно оригинальную совместную оперу. Опера и впрямь была на-

шей общей страстью, ибо лишь в этом виде искусства все существующие лирические жанры могут быть амальгамированы в идеальное триумфальное единство во всем их величии и потребной громогласности и тем самым позволить нам выразить все идеологическое, колоссальное, липкое, вязкое и тонкое замешательство нашей эпохи. В тот день в Лондоне, узнав о смерти Лорки, павшего жертвой слепой истории, я сказал себе, что должен создать нашу с ним оперу в одиночку. Я не отступаю от своего твердого решения осуществить этот замысел — в один прекрасный день, когда жизнь моя достигнет зрелости, — а моя публика знает и всегда уверена, что я выполняю практически все, что говорю и обещаю.

И потому я создам «нашу» оперу... Но не сей миг, поскольку по завершении романа я удалюсь на весь следующий год в Калифорнию, где желаю вновь посвятить себя исключительно живописи и претворить позднейшие эстетические замыслы в жизнь с техническим рвением, неслыханным в моей профессии. После чего я немедленно примусь терпеливо брать уроки музыки. Дабы во всей полноте овладеть гармонией, мне потребуется всего два года — разве не чувствую я наверняка, что она у меня в крови уже две тысячи лет? Для этой оперы я все сделаю сам — либретто, музыку, декорации, костюмы — и более того, сам же ее поставлю.

Не могу гарантировать, что эта частица мечты будет принята благосклонно. Но уверен в одном: по совокупности моей феноменальной и многообразной деятельности я уже оставил на грубой шкуре горбатой ленивой «спины искусства» моей эпохи узнаваемую отметину, анаграмму, выжженную огнем моей личности и кровью Галы, всею плодоносной щедростью моих «поэтических инвенций». О сколько их, уже напитанных духовно моей работой! Так пусть же тот, кто сделал «столько же», кинет первый камень.

Сальвадор Дали

Часть первая
Озаренная равнина

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Друзья графа Эрве де Грансая

Долго сидел граф Грансай, подперев голову рукой, замороженный неотступной грезой. Взгляд его скользил по равнине Кре-де-Либре. Эта равнина значила для него больше, чем весь остальной мир. В пейзаже этом была красота, в распаханых землях — благополучие. И лучшим в этих полях была почва их, а в почве ценнейшим — влага, а от влаги происходил редчайший продукт — особая грязь... Поверенный и преданнейший друг графа, мэтр Пьер Жирардан, имевший слабость к литературной речи, любил говаривать о Грансае: «Граф есть живое воплощение одного из тех редких явлений почвы, что ускользают от искусства и способностей агрономии, — почвы, созданной из земли и крови неведомого источника, волшебной глины, из каковой вылеплен дух нашего родного края».

Когда граф, показывая свои владения, спускался с новым посетителем к шлюзу, всякий раз он наклонялся подобрать комок глины и, разминая его аристократическими пальцами, тоном внезапной импровизации повторял в сотый раз:

— Дорогой друг мой, несомненно, чудо этих мест — в эдакой грубой податливости наших почв, ибо уникально не только наше вино, а и, превыше прочего,

водятся у нас трюфели, таинство и сокровище этой земли, по чьей поверхности скользят самые крупные улитки во всей Франции, соперничающие с другой диковиной — раками! И все это в оправе благороднейшей и богатейшей растительности — пробкового дуба, который делится с нами своею кожей!

И походя срывал он горсть листьев пробкового дуба с низкой ветви, сжимал их крепко и катал в кулаке, наслаждаясь ощущениями на тонкой коже — колким сопротивлением шипастого касания, и его одного хватило бы, чтоб отгнать графа от прочего мира. Ибо из всех континентов земного шара Грансай ценил лишь Европу, а в Европе любил одну Францию, во Франции боготворил лишь Воклюз, а в Воклюзе выбрал единственное место богов — поместье Ламотт, где родился.

В поместье Ламотт же наилучшим образом размещалась его комната, а в комнате этой имелась точка, с которой вид открывался исключительный. Это место четко обрамлялось четырьмя большими ромбами черно-белого плиточного пола, по четырем внешним углам коих размещены были четыре слегка суженные книзу лапы изящного письменного стола в стиле Людовика XVI работы краснодеревщика Жакоба. Вот за этим столом и сидел граф Грансай, глядя вверх величественного балкона в фасоне эпохи Регентства на равнину Крё-де-Либрё, озаренную уже закатным солнцем.

Ничто не могло лирически подогреть патриотический пыл Грансая так же, как ненаскучивающий вид, предлагаемый ему переменчивостью плодородной равнины Крё-де-Либрё. Тем не менее кое-что неизменно портило ему вечную гармонию этого пейзажа. То был участок в триста квадратных метров, на котором вырубали деревья, и земляная ободранная облысе-

лость возмутительно прерывала мелодическую текущую линию могучих посадок темного пробкового дуба. Вплоть до самой смерти отца Грансая роща эта оставалась нетронутой и составляла обширной панораме слитный передний план, образованный темной, волнистой горизонтальной линией дубов, оттенявшей сияющие просторы равнины, также горизонтальные и чуть холмистые.

Но со смертью старшего Грансаея владения, обремененные тяжкими долгами и закладными, пришлось разделить на три части. Две достались видному землевладельцу бретонских кровей Рошфору, и он тотчас же стал злейшим политическим врагом графа. Чуть ли не первым делом Рошфор, приняв новую собственность, срубил триста квадратных метров пробкового дуба на своей территории — участок, отделенный от остального большого леса, который тем самым утерять свою урожайную ценность. Вместо дубов высадили виноград, но принялся он на истощенной каменистой почве плохо. Эти триста квадратных метров выкорчеванных пробковых дубов в самом сердце фамильного леса Грансаев не только подтверждали расчленение вотчины графа, но образовавшаяся брешь к тому же открывала полный вид на имение Мулен-де-Сурс, населенное теперь Рошфором, — а места этого графу мучительно недоставало, ибо то был главный узел ирригации и плодородия большей части возделываемых земель Грансаея. Мулен-де-Сурс ранее полностью скрывали древесные заросли, и лишь флюгер на мельничной башне, что выглядывал меж двух низкорослых дубов, был когда-то виден из комнаты графа.

Под стать его приверженности землям чувство прекрасного было одной из исключительных страстей, владевших Грансаем. Считая, что фантазии ему не хва-

тает, он был глубоко убежден в наличии у себя хорошего вкуса, и поэтому уродование его лесов оказалось крайне мучительно для его эстетического чутья. Более того, после поражения на выборах пять лет назад граф Грансай — с непреклонностью, свойственной всем его решениям, — бросил политику, дабы дождаться переломного момента в событиях. Все это не означало отворачивания к политике. Граф, как любой подлинный француз, был политиком от рождения. Он обожал повторять максимуму Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». Он был уверен, что надвигающаяся война с Германией неизбежна, а ее приход математически доказуем. Грансай ожидал ее, чтобы вернуться в политику, ибо чувствовал, что его страна с каждым днем делается все слабее и развращенней. Что же в таком случае вообще могли значить для него анекдотические инциденты политики местных равнин?

А покуда граф Грансай нетерпеливо дожидался начала войны, он замыслил устроить большой бал...

Нет, не только в созерцании Мулен-де-Сурс близость политического врага подавляла его. В истекшие пять лет, за которые — благодаря героической неколебимой преданности мэтра Жирардана — удалось укрепить благосостояние и плодородность земель, последние раны, нанесенные гордости графа и его интересам, казалось, медленно, однако верно исцелились. Следует добавить, что Грансай выказывал относительное безразличие к уменьшению своих владений и никогда не терял надежды выкупить назад отъятую у него собственность, и эта мысль, смутно лелеемая в недрах его планов, на время помогла ему почувствовать еще большую отстраненность от владений предков.

А вот к разорению его лесов он привыкнуть никак не мог, и каждый новый день от одного вида несчастного квадрата, засаженного изуродованными ветром лозами умирающего виноградника, жалко заламывавшего вывихнутые руки через неправильные геометрические интервалы, страдал все острее, таково было непоправимое осквернение горизонта его первых воспоминаний — горизонта и постоянства его детства — с тремя накладывающимися кромками, столь любовно растушеванными светом: темный лес на переднем плане, озаренная равнина и небеса!

Лишь подробнейшее изучение очень особенной топографии тех мест, однако, могло бы удовлетворительно прояснить, почему эти три элемента пейзажа, так связанные друг с другом, неизменные, придавали равнине Либрё настолько пронзительное, чувственное и мечтательное воздействие светового контраста. С раннего послеполудня сходящие с гор за помещьем тени постепенно заполняли дубовые рощи, погружая их внезапно в эдакую поспешную и предсумеречную тьму, а — тогда как авансцена пейзажа утопала в бархатной ровной тени — солнце, принимаясь садиться в центре глубокого прогиба местности, изливало огонь через всю равнину, его наклонные лучи прорисовывали со все большей объективностью мельчайшие геологические детали и акценты, и эта объективность остро усиливалась той самой прозрачностью воздушных. Словно можно было взять всю равнину Либрё в пригоршню, различить задремавшую ящерицу на старой стене дома в нескольких милях отсюда. И лишь под самый занавес сумерек и почти на пороге ночи прощальные остатки отражений закатного солнца с сожалением ослабляли хватку на последних обугренных вершинах, будто пытались, вопреки законам приро-

ды, увековечить химерическое выживание дня. Ночь почти наступала, а равнина Крё-де-Либрё оставалась словно озаренной. И вероятно, именно из-за этой исключительной чувствительности к свету граф Грансай всякий раз, переживая один из своих болезненных припадков подавленности, когда душа его мрачнела в тених меланхолии, видел древнюю надежду предков о вечной плодоносной жизни, курящуюся над густым чернеющим лесом колючих пробковых дубов его тоски — равнина Крё-де-Либрё, утопленная в теплом солнце, озаренная равнина! Сколько раз, после долгих отлучек в Париж, когда дух Грансаия погружался в праздный скептицизм его эмоционального бытования, одно лишь воспоминание о мимолетном взгляде на эту равнину возрождало в нем новую сверкающую любовь к жизни!

На сей раз Грансаю Париж показался настолько погруженным в политические неурядицы, что его пребывание в городе оказалось чрезвычайно кратким. Он вернулся в поместье Ламотт, не успев даже подпасть под растущее разочарование, какое рано или поздно возникает, если слишком уж постоянно предаваться связям, основанным исключительно на ожесточенной драме общественного положения; на сей раз, напротив, граф вернулся в свои владения с неутоленной жаждой общения, коя подтолкнула его пригласить ближайших друзей, как это бывало раньше, навеситить его в выходные.

Грансай уже две недели как вернулся домой и обедал, как обычно, улитками или раками в компании своего поверенного, Пьера Жирардана. За такими трапезами они вели нескончаемые приглушенные разговоры, а прислуживал им на цыпочках Пранс, старый слуга семьи.

Дали С.

Д 15 Сокрытые лица : роман / Сальвадор Дали ; пер. с англ. Шаши Мартыновой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 480 с. : ил. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-26751-0

Сюрреалист Сальвадор Дали — один из самых знаменитых художников XX века, гений эпатажа и просто гений, а «Сокрытые лица» — его единственный роман. Дерзкая и романтичная, парадоксальная и чувственная, эта книга повествует о всепоглощающей любви, которая то возносит героев до экстатических высот, то швыряет в бездны демонической одержимости. Граф Эрве де Грансай и мадам Соланж де Кледа год за годом играют «в беспощадную войну взаимного соблазнения» и живут ритуалами галантного века посреди безумия, охватывающего Европу и мир: уличные протесты и попытка правого мятежа в Париже, франкистский путч в Испании, мясорубка Второй мировой...

Роман публикуется с авторскими иллюстрациями!

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

САЛЬВАДОР ДАЛИ
СОКРЫТЫЕ ЛИЦА

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Игнатьева, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспага кол қойылды 13.11.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 29,4. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-35749-01-R